

DOI: 10.46698/VNC.2021.81.42.009

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭМОЦИЙ В ОСЕТИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Л.Б. Гацалова
Л.К. Парсиева

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 20-012-00472 А «Междометия и звукоподражательные слова в осетинском и русском языках»

*Целью статьи является рассмотрение вербальных средств выражения страха / испуга, описание особенностей употребления междометных единиц в зависимости от речевой ситуации. В статье мы обратились к истории возникновения междометия *Æллæх!*, этимологически восходящего к вокативу *Аллах*, к исследованию контекстов его современного употребления, что позволяет предложить комплексное описание данной единицы. Методом контекстного анализа были исследованы и расклассифицированы осетиноязычные тексты (более 100 примеров употребления). Семантическое описание междометия строилось с привлечением материала толковых и аспектных словарей осетинского языка. В результате проведенного исследования проиллюстрирован процесс образования междометия *Æллæх!* из этимологически родственного вокатива *Аллах*; предложена классификация контекстов употребления междометия; выявлены вербальные и невербальные характеристики эмоционального поведения человека в состоянии испуга. Особое внимание обращено на исследование синонимических отношений представленного междометия. Изложенные в статье результаты исследования помогут создать модель описания междометных выражений разных типов, характеризующих эмоциональное состояние говорящего. Работа может быть полезна в практике преподавания осетинского языка, а также в теории и практике перевода.*

Ключевые слова: чувство, эмоция, испуг, синоним, междометие, осетинский язык.

Одна из ключевых эмоций – страх, испуг – является эмоциональной реакцией на опасность и включает широкий спектр вербальных средств языка, из которых особого внимания заслуживают интеръективные единицы и звукоподражания.

В современной лингвистической литературе анализом данного вопроса занимались в аспекте лингво-прагматического описания Н.Г. Брагина и Ю.А. Рябова [1], сопоставительное описание семантических и структурных особенностей междометий и звукоподражательной лексики русского и современных иранских (персидского и таджикского) языков проведено в работе К. Мехраби [2] и И.А. Турды-Аханов

вой [3], в русле коннотативной семиотики исследованы звукоподражания в статье Е.П. Иванян [4], проблемам определения различных способов актуализации эмотивности производных и непроизводных междометий в различных речевых ситуациях посвящены работы Н.П. Сюткиной [5] и др. Пестрота терминологических наименований эмоциональной лексики проявляется в многообразии классификаций эмотивных лексических единиц, представленных в трудах В.И. Шаховского [6], Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [7], Л.К. Парсиевой [8, 9], Е.В. Стрельницкой [10] и т.д. В русле лингвистики эмоций успешно развивается новая отрасль языкознания – эмотивная

лингвоэкология [11; 12; 13].

Синонимические ряды лексико-фразеологических единиц, входящих в понятийный круг рассматриваемого значения «испуг, опасность» представлены в осетинском и русском языках богатым языковым материалом (в своем диалектном разнообразии), интересным как с точки зрения эмотивно-экспрессивных маркеров, так и в плане частеречной отнесенности.

Гипероним «страх» объединяет группу синонимов боязнь, испуг, ужас, паника со значением: 'неприятное чувство или состояние, какое бывает, когда человек ощущает или считает, что он находится или может оказаться в опасной ситуации, над которой не имеет контроля. При этом лексемы страх и испуг онтологически нерелевантны в силу нескольких причин: страх может быть вызван как непосредственной опасностью, так и предположением человека о возможной угрозе, причиной же испуга становится внезапное ощущение непосредственной опасности, неожиданное и конкретное (пусть даже незначительное).

Испуг вызван непосредственной причиной – его внешнее проявление конкретно: нас пугает внезапность / громкость чего-либо, например:

– неожиданный звук:

ты меня испугал, потому что ты вдруг крикнул – *ныцъцъахахст кодта, ама фесхъиудтон фыртаесаи*;

– громкий звук:

кто-то громко чихнул, я вздрогнул – чидар хъараи арыхсырста, ама хардма фæхаудтаен;

– какая-либо мысль:

испугался, потому что мне пришла вдруг в голову мысль... – *ма хъуыдытæй фæтарстæн*;

– наступившая темнота:

отступить, испугавшись темноты – *талынгæй фæтарстæн ама рацъидтæн*.

Во-вторых, испуг не возникает в результате анализа ситуации, а в-третьих, он обязательно проявляется внешне (в поведении, в выражении лица, в речи и т. д.) и с трудом контролируется. Испуг трудно сдерживать и подавить, например, можно

сказать: сдержатъ страх, преодолеть страх, – но не говорят: сдержатъ испуг, преодолеть испуг.

Таким образом, испуг внезапен, он возникает без участия разума, скрыть эти переживания довольно трудно; но при этом он недолог [1, 16].

В русском и осетинском языках имеются отдельные лексемы, устойчивые словосочетания и фразеологические единицы, выражающие данную эмоцию. «Толково-понятийный словарь русского языка» в заглавной статье «Опасность» приводит следующие примеры:

Русский язык:

– цепенеть от страха / ужаса;

– умереть / замереть от страха;

– у страха глаза велики; страх божий;

– смотреть с опаской;

– смертельная опасность и др. [15, 467].

Так как в осетинском языке есть иронский и дигорский диалекты, представляется обоснованным проведение анализа лексико-семантического поля по двум диалектом **дифференцированно**.

В иронском диалекте можно выделить следующие слова данной семантической группы:

– æртхъираен 'угроза';

– *æртхъираен кæнын* 'угрожать, грозить';

– *дыз-дыз* 'боязнь, испуг, опасность';

– *дыз-дыз кæнын* 'дрожать от страха';

– *тас* 'страх, боязнь, испуг, опасность';

– *тæрсаг* 'трусливый, пугливый';

– *тæрсын* 'бояться, пугаться, опасаться';

– *тæссаг* 'опасный, страшный, чего следует опасаться', 'опасность'.

Из междометий в данном семантическом поле можно выделить производную интеръективную единицу *Æллах!*, выражающую «восклицание боли, ужаса» [16, 129]. Например:

– *Æллах!.. Мае цаест мын скъахтай!.. – Боже! Ты мне глаз выколол!*

Æллах-биллахæй хъуыддаг нæ рæзы. – Одним Аллах-биллахом дело не идет [17, 92].

В.И. Абаев приводит следующую этимологию данного междометия: «Из араб., перс. *allāh* ‘бог’, *allāh-allāh* ‘боже!’. Распространено по всему мусульманскому миру. В осетинском сошло на роль междометия и в значении «бог» не употребляется» [16, 129].

В русском языке аналогом междометия *Æллах!* выступает, как видно из перевода приведенного примера, вокатив *Боже!*, возможно, что те же эмоции могут быть выражены подобным вокативом *Батюшки!* В данной статье мы рассматриваем приведенные междометия только в значении реакции на страх, испуг, опасность, о других смыслах (например, восторг, радость и т.п.) речь здесь не идет.

В иронском диалекте с маркерами, обозначающими семантическое поле «испуг, опасность», представленное лексемами *тас*, *дыз-дыз* ‘испуг, опасность’, *тæрсын*, *дыз-дыз кæнын* ‘опасаться’, ‘бояться’, ‘пугаться’, нами методом сплошной выборки обнаружены следующие паремии:

Ауындзæны бын фæрисдзæнис мынай нал фæтæрсыни. – Под виселицей никто не думает о том, что будет больно [17, 57] (Здесь и далее перевод наш, если не указано иное).

Æвзæр йæ удæн тынгдæр фæтæрсы. – Плохой за себя больше боится [17, 78]

Æргом ныхасæй раст лæг никуы фæтæрсдзæн. – Тот, кто прав, прямого разговора не боится [17, 108]

Бирæгъ дæр тæрсы, фæлæ гуыбын тасæй тыхджындæр у. – Волк тоже боится, но живот сильнее страха [17, 125].

Бирæгъ куы фæтæрсы, уæд куыдзы бын дæр атулы. – Волк когда боится, то и под собаку ляжет [17, 125].

Битгъйнайæ ма хæрæг тарст. – Ишак мяты боялся [17, 126].

Иу хъæбулай хъæбул най; дыууæ хъæбулы – тасы хос; æртæ хъæбулы – царды хос. – Один ребенок – не ребенок, два ребенка – источник опасений, три ребенка – источник жизни [17, 178].

Кардæй ма тæрс, æвзагæй тæрс. – Ножа не бойся, бойся языка [17, 191].

Кардæй чи тарст, уый дзы йæхи бахызта, æвзагæй чи тарст, уый ногы фыд-

дæрæй байæфта. – Кто боялся ножа, тот его избежал, кто боялся языка, того он еще сильнее достал [17, 191].

Куыстæй куы фæтæрсай, уæд дæ къухы нал бафтдзæн. – Работы испугаешься, она не поспорится [17, 200].

Лæг тасы куы нæ бахауы, уæд йæ хъаруйыл йæхæдæг дæр нæ феууæнды. – Пока человек в страх не повергнут, он и сам в свои силы не верит [17, 204].

Ма тæрс – мæгуырæн мæсыг у. – Не бойся – башня бедного (Миллер, 18, 1202)

Мæлæтæй чи тарст, уымæ мæгуыр хæлæг кодта. – Бедняк завидовал тому, кто боялся смерти. [17, 216]

Мæлæты тасæй мæгуыры тас фыддæр у. – Бедность хуже страха смерти [17, 216].

Ме знаг мæм хæстæг куы уа, уæд æцæгæлонæн тасы хос у. – Если мой враг рядом, чужой будет бояться [17, 219].

Сенкъайы хъуг йæ фаджысæй тарст. – У Сеньки корова своего навоза боялась [17, 249].

Тарст зæрдæ фæндаг нæ фæрсы. – Пугливое сердце дороги не спрашивает [17, 259].

Тарст фыс йæ хицауыл дæр не ‘ууæнды. – Напуганный баран и хозяину своему не верит [17, 259].

Тарстыл худæн най. – Нельзя смеяться над страхом [17, 259].

Тас лæггæнæг у. – Страх делает человека (перевод приведен по ОНС, с. 1186, в нашем переводе – Страх делает человека мужчиной)

Тас мæлæтæн хос нау. – Страх не является лекарством для смерти [17, 259].

Тас тыхджын у. – Страх силен [17, 259].

Тасы бахауæг сур у, цъыф у нæ фæрсы. – В страхе не спрашивают сухо или грязно [17, 259].

Тасы бон бирæ у. – Страх может многое [17, 259].

Тасыл авд уды ис. – У страха семь душ [17, 259].

Фæныккуыз зæйæ тарст, æмæ фæнычы зæйæ æрбайсæфт. – Домосед (сидящий у золы) лавины боялся, и в лавине золы пропал [17, 282].

Хасты чи уыд, уый зындзинæдтæй нæ

фæтæрсын кæндзына. – Того, кто на войне был, трудностями не испугаешь [17, 284].

Хатт æлгыстæй иууыл тынгдæр фæтæрсы адæймаг. – Иногда больше всего человек боится проклятия [17, 295].

Хатт къæлуайæ фыркъайæ дæр чи дæртæ фæтæрсыни. – Кого-то иногда даже овсянка с бараниной пугает [17, 298].

Хорарæхæй мæгуыраей макуы фæтæрс. – Если зерна много, бедности не бойся [17, 311].

Хорз куыройæн æнæ хицауæй ма фæтæрс. – На хорошей мельнице отсутствие мельника не пугает [17, 313].

Цард дæ къонайыл куы абада, уæд хæрд-мæ ма фæхау – ма йæ фæтæрсын кæн. – Если жизнь к твоему очагу присядет, не подпрыгивай, спугнешь ее [17, 331].

Цардæй чи бафсæст, мæлæстæй чи нæ фæтарст, ахæм зæххыл нæма райгуырд. – Не родился еще тот, кто насытился жизнью, кто не испугался смерти [17, 332].

Чидæр йæ хæдзары иунагæй тарст, æмæ цæрæнбонты ахæстоны иунагæй фæбадт. – Кто-то боялся оставаться один дома и всю жизнь один просидел в тюрьме [17, 343].

В дигорском диалекте современного осетинского языка семантическое поле «испуг, опасность» представлено следующими лексемами:

- *æнхъæрæн кæнун* ‘угрожать, грозить’;
- *æнхъæрæн* ‘угроза’;
- *диз-диз* ‘испуг, опасность’;
- *диз-диз кæнун* ‘опасаться’, ‘бояться’, ‘пугаться’;
- *тæрсун* ‘опасаться’, ‘бояться’, ‘пугаться’;
- *тас* ‘испуг, опасность’.

В паремиологическом фонде дигорского диалекта с маркерами *тас* и *тæрсун* обнаружены следующие паремии:

Рехуати нез адтæй, Гезе ба тасæй фæм-мардæнца (рамардæй). – В Рехуате мор был, а в Гезе от страху поумидали [19, 51].

Хуарзæн мæгураей ма тæрсæ (тас нæй)! – Кто сам хорош, тому бедность не грозит! [19, 56]

Раздæр ку нæ фæттæрсай, уæд уой фæсте ба тас нæййес. – Если вначале не

испугаешься, то потом уже не страшно [19, 343].

Кенæ тас, кенæ ба æфæрмаæ. – Или опасность, или стыд [19, 343].

Слово *æртхъиæн* / *æнхъæрæн*, по В.И. Абаеву, является производным от сложения из *ard* ‘проклятие’ и *qir-* (чередуются с иранским *qar-* ‘взывать’, ‘вопить’, то есть оно означает ‘взывание с проклятиями’) [16, 181].

В иронском диалекте мы обнаружили 8 паремий с данным лексемой, тогда как из трех тысяч рассмотренных паремий дигорского диалекта – ни одной с таким маркером.

Æвзæр йæ усы аууонаей æртхъиæн кæны. – Плохой грозит из-под тени своей жены [17, 78].

Æвзæр искаей аууонаей æртхъиæн кæны. – Плохой грозит из-под чьей-то тени [17, 78].

Æвзæр хъæубæстæм æртхъиæн кæны. – Плохой сельчанам угрожает [17, 80].

Æртхъиæн – æдыхы нысан. – Угроза – признак слабости [17, 111].

Æртхъиæнæй лæг нæ мæлы, куыд ака-ныни. – Не настолько человек умирает, как обычно грозятся [17, 111].

Æртхъиæнæй чи фæтæрса, уый ам нæй. – Здесь нет такого, кто боится угроз [17, 111].

Æртхъиæнтæй исчи куы мæлид, уæд адæмы мыггаг рагæй нал уаид. – Если б от угроз кто-то умирал, уже бы весь род человеческий вымер [17, 111].

Æртхъиæны тых – маст скалыны. – Угроза сильна выбросом желчи [17, 111].

Известно, что в осетинской традиции названия месяцев года имеют несколько обозначений:

- январь, тъæнджы мæй (диг. *æнсур*);
- февраль, *æртхъиæны* мæй (диг. *комах-сæн*);
- мартъи, тæргæйтты мæй (диг. *то-туртæ*);
- апрель, хуымгæнæны мæй (диг. *хуми-дайæн*);
- май, зæрдæварæны мæй (диг. *ханс*);
- июнь, хурхæтæны мæй (диг. *амистол*);
- июль, сусæны мæй (диг. *сосæн*);

август, майрамы (майраэмы) мæй (диг. *сухи мæйæ, майраени мæйæ*);

сентябрь, рухæны мæй (диг. *рухæн*);

октябрь, кæфты мæй (диг. *кафти мæйæ*);

ноябрь, джеоргуыбайы мæй (диг. *геуæргобай мæйæ*);

декабрь, цыппурсы мæй (диг. *никколи мæйæ*).

Как видим, кроме значения «угрожать, грозить(ся)» слово *æртхъираен* обозначает месяц февраль. Интересна осетинская поговорка, в которой данное слово выступает в денотативном и коннотативном значениях: *Зымæджы æртхъираен – тæргæйтты мæй; тæргæйтты мæй та æнаæдæндаг сылгоймагæй уæлдай нæу.* – Зима угрожает (или зимний февраль) мартом, а март подобен беззубой женщине. А уже в паремии «*Æртхъираены мæй ахъуытты – къуылых-къуылых адгуыты.* – Февраль убрался, ковыляя на борозде», слово *æртхъираен* обозначает название месяца.

В осетинском, как и в русском языке, состояние испуга и страха передается в том числе и фразеологическими единицами, в которых одним из компонентов является лексема *душа* (осет. *уд*), например:

Уд ауайын кæнын. – Душа сбежала.

Уд æрдуйæ нарæгдæр сси. – Душа тоньше волоса стала.

Уд схауди. – Душа выскочила.

«Бадзо: *Æгасæй мын мæ уд куы ауайын кодтай*».– Бадзо: Я из-за тебя чуть дух не испустил [14].

«*Хур ныгуылаенмæ куыд хæстæгдæр кодта, афтæ Асланбеджы цардбæллон уд дæр æрдуйау нарæгæй нарæгдæр кодта*». – Как солнце катилось к закату, так и у Асланбека душа, как волосинка, становилась все тоньше и тоньше [14].

«*Фæтæрсын мæ кодтай мæ уд схауыны онг æмæ ма ноджы дамбациæ хæцынмæ дæр хъавыс?*» – Ты и так меня до того напугал, что чуть душа не выскочила, а еще и пистолетом грозишь? [14].

Таким образом, глаголы *тæрсын кæнын* и *æртхъираен кæнын* являются синонимами, тогда как существительные *тас* и *æртхъираен / æнхъераен* синонимами не

являются, так как первое употребляется в значении «боязнь, страх, опасность», а второе – в значении «угроза».

Из междометий выделим также *дæдæй / дæ-дæй / дæй*, с семантическим наполнением «испуг, страх».

Рагæй æмхиц у нæ уæздан мыггагмæ

Хъримаг, йæ хицау фæкæна дæдæй!.. [20].

Что ж – и ежей благородное племя

Гонит ловец – будь он проклят сто- крат!..»

Сравним ее с лексемой *дæ-дæ-дæй*, которая, несмотря на сходство, не всегда имеет то же значение, что вышеуказанный вариант, и иногда отличается семантически, выражая иную эмоцию – недовольство или иронию. Например, в переводе на осетинский язык романа «Евгений Онегин» Нафи Джусойты употребляет его в значении 'страх, испуг, ужас':

Дæ-дæ-дæй, дысон дын куыд тарстæн?

Ныр та дæхимидæг – дæ хуыз,

Нычынди дыл цыма хъуырмыз» [21].

Вечор уж как боялась я!

Да, слава богу, ты здорова!

Тоски ночной и следу нет,

Лицо твое как маков цвет [21].

В разговорной же речи часто встречаются диалоги, в которых междометие *дæ-дæ-дæй* скорее ирония, чем искренняя эмоция, например:

– *Дæ-дæ-дæй, уæртæ цы и!* – Ужас, что за страх!

Или еще один подобный вариант – *дæ-дæ-дæй*, не выражающий, но обозначающий в данном контексте противоположную эмоцию, ср.:

Мæ фысымтæ радæй,

Мæ хуыссæн – лыстæн,

Уæддæр-иу «дæ-дæ-дæй»

Куы низзарыддæн! [20]

Скитался по саклям,

На сене я спал,

Но все же «да-да-дай»

С весельем певал.

Вариант *дæдæдæй* встречается еще в одной форме – *дæй*:

«Лука: Гъайда-гъа, дай!» [14].

Следует обратить внимание еще на одну особенность употребления данного эмотива – возрастные и гендерные различия, так как данная лексема во всех своих вариантах чаще употребляется в речи пожилых женщин.

Речевая реакция испуганного человека выводит нас в область речевых клише, среди которых можно выделить две группы клише-реакций: голосом человек, находящийся под властью негативного чувства, либо «кричит, говорит», либо «зовет, призывает». Кстати говоря, интонация, с которой произносятся такие речевые клише, передаётся с помощью восклицательного знака. К первой группе относятся первичные междометные реакции человека, испытывающего испуг (*ай, ой, ах*); ко второй группе – вторичные реакции, т. е. этимологически происходящие из вокативов [1, 17].

Рассмотренные примеры позволяют выявить основные варианты употребле-

ния вышеприведенных междометий. В данном случае мы согласимся с Н.Г. Брагиной и Ю.А. Рябовой, выделив несколько контекстов: 1) с другими «страшными» характеристиками страха, испуга, опасности: *хъуын ари сбадт, зарда ныссаххатт кодта, зарда бауазал*. В речи часто употребляются с непроизводными междометиями *уау, да-да-дай, дадай*; 2) в абсолютном употреблении; 3) соединение с последующим вопросом (в основном о том, что было и что будет): *Аллах! Ама ныр цы уыздзэн, цыма?*; 4) с последующим описанием ситуации: *Да-да-дай, на ныуаддзэн на афтæ – марга на кændзэн!*; 5) с последующей просьбой, криком, мольбой о помощи: *Уау! Рацаут-ма нам! Сафæм!*; 6) с указанием на источник испуга: *Аллах! Хауæм ныртæкка къæдзæхæй!*

Таким образом, мы выделили несколько групп употребления производных и непроизводных междометий, передающих страх / испуг, в современном осетинском языке.

1. Брагина Н.Г., Рябова Ю.А. Батюшки! Опыт лингво-прагматического описания междометия испуга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 1. С. 15–25.

2. Мехраби К. Сопоставительный анализ междометий и звукоподражаний в русском и персидском языках // Преподаватель XXI век. 2016. № 1-2. С. 291–304.

3. Турды-Аханова И.А. Сопоставительный анализ междометий в таджикском и английском языках: Дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2015.

4. Иванян Е.П. Звукоподражания как субституты моделируемой ситуации // Рациональное и эмоциональное в русском языке, 2019: Сборник трудов Международной научной конференции, посвященной памяти профессора П.А. Леканта. 2019. С. 186–190.

5. Сюткина Н.П. Междометия семантической группы «Эмоции и эмоциональная оценка» // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6(73). С. 608.

6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2008.

7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М., 1995. [электронный ресурс]. URL: <http://tepka.ru/rozentel/index.html>

8. Парсиева Л.К. Система междометия в общей парадигме языка (на материале осетинского и русского языков): Дис. ... докт. филол. наук. Владикавказ, 2010.

9. Парсиева Л.К. Теория междометия в общей парадигме современного языкознания. Владикавказ, 2006.

10. Стрельницкая Е.В. Эмотивность и перевод: особенности языковой передачи эмоций при художественном переводе с английского языка на русский: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

11. Ионова С.В. Токсичный руководитель: лингвоэкология речевого поведения // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4. С. 1–12.
12. Шаховский В.И. Триада экологичности – человек, язык, эмоции – в коммуникативной практике. Волгоград, 2017.
13. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: колл. монография / Науч. ред. В.И. Шаховский. Волгоград, 2013.
14. Мировая классика на осетинском языке [электронный ресурс]. URL: <https://nslib.tnweb.ru/tvorchestvo/classik/russia/russia.php?value>
15. Шушков А.А. Толково-понятийный словарь русского языка. М., 2008.
16. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1958. Т. 1.
17. Хъазиты М. Ирон хæзна: æмбисæндтæ. Цхинвал – Дзæуджыхъæу, 2013. (на осет. яз.)
18. Миллер Вс.Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь / Под ред. А.А. Фреймана. Л., 1984. Т. III.
19. Осетинские (дигорские) народные изречения: На осет. (дигор. диалект) и рус. яз. М., 1980.
20. Хетæгкаты Къ. Ирон фæндыр. [электронный ресурс]. URL: <http://iriston.com/if/?n=30> (на осет. яз.)
21. Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. на ос. яз. Н. Джусойты. [электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/436/p.4/index.html>

Gatsalova, Larisa B. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); larabella8@mail.ru

Parsieva, Larisa K. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); parsieva_larisa@mail.ru

SYNONYMIC RELATIONSHIP OF THE VERBAL MANIFESTATIONS OF EMOTIONS IN THE OSSETIAN AND RUSSIAN LANGUAGES.

Keywords: feeling, emotion, fright, synonym, interjection, the Ossetian language.

The purpose of the article is to consider the verbal means of expressing fear / fright, to describe the features of the use of interjective units depending on the speech situation. In the article, we account for the history of the interjection Ællæh!, etymologically dating back to the vocative Allah, to the study of the contexts of its modern use, which allows us to offer a comprehensive description of this unit. By the method of contextual analysis, the Ossetian-language texts were studied and classified (more than 100 examples of usage). The semantic description of the interjection was built using the material of explanatory and aspect dictionaries of the Ossetian language. As a result of the conducted research, the process of formation of the interjection Ællæh was illustrated from the etymologically related vocative Allah; a classification of interjection use contexts is proposed; verbal and non-verbal characteristics of a person's emotional behavior in a state of fright are revealed. Special attention is paid to the study of synonymous relations of the presented interjection. The research results presented in the article will help to create a model for describing interjective expressions of different types that characterize the emotional state of the speaker. The work can be useful in the practice of teaching the Ossetian language, as well as in the theory and practice of translation.

REFERENCES

1. Bragina, N.G., Ryabova, Yu.A. Batyushki! *Opyt lingvo-pragmaticheskogo opisaniya mezhdometiya ispuga* [Fathers! Experience of linguistic and pragmatic description of the interjection of fear]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Russian Philology Series]. 2020, no. 1, pp. 15–25.
2. Mekhrabi, K. *Sopostavitel'nyi analiz mezhdometii i zvukopodrazhanii v russkom i persidskom yazykakh* [Comparative analysis of interjections and onomatopoeia in Russian and Persian]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher XXI century]. 2016, no. 1-2, pp. 291–304.
3. Turdy-Akhanova, I.A. *Sopostavitel'nyi analiz mezhdometii v tadzhikskom i angliiskom yazykakh* [Comparative analysis of interjections in Tajik and English]. Candidate dissertation (in Philology). Dushanbe, 2015.
4. Ivanyan, E.P. *Zvukopodrazhaniya kak substituty modeliruemoi situatsii* [Onomatopoeia as substitutes for a simulated situation]. *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke, 2019. Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora P.A. Lekanta* [Rational and emotional in Russian, 2019: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Professor P.A. Lecant]. 2019, pp. 186-190.
5. Syutkina, N.P. *Mezhdometiya semanticheskoi gruppy «Emotsii i emotsional'naya otsenka»* [Interjections of the semantic group “Emotions and emotional assessment”]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. 2018, no. 6(73), pp. 608.
6. Shakhovskiy, V.I. *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of the language]. Moscow, LKI, 2008. 120 p.
7. Rozental, D.E., Telenkova M.A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: Posobie dlya uchitelya* [Dictionary-reference book of linguistic terms: A guide for teacher]. Moscow, Prosveshchenie, 1995. 375 p. [electronic recourse]. URL: <http://tepka.ru/rozentel/index.html>
8. Parsieva, L.K. *Sistema mezhdometiya v obshchei paradigme yazyka (na materiale osetinskogo i russkogo yazykov)* [Interjection system in the general language paradigm (based on the Ossetian and Russian languages)]. Doctoral dissertation (in Philology). Vladikavkaz, 2010. 352 p.
9. Parsieva, L.K. *Teoriya mezhdometiya v obshchei paradigme sovremennogo yazykoznaniiya* [Interjection theory in the general paradigm of modern linguistics]. Vladikavkaz, 2006. 235 p.
10. Strelnitskaya, E.V. *Emotivnost' i perevod: osobennosti yazykovoi peredachi emotsii pri khudozhestvennom perevode s angliiskogo yazyka na russkii* [Emotiveness and translation: features of the linguistic transmission of emotions in literary translation from English into Russian]. Candidate dissertation (in Philology). Moscow, 2009. 263 p.
11. Ionova, S.V. *Toksichnyi rukovoditel': lingvoekologiya rechevogo povedeniya* [Toxic leader: linguoecology of speech behaviour]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice]. 2018, no. 4, pp. 1–12.
12. Shakhovskiy, V.I. *Triada ekologichnosti – chelovek, yazyk, emotsii – v kommunikativnoi praktike* [The triad of environmental friendliness – a person, language, emotions – in communicative practice]. Volgograd, Volgograd State Social-Pedagogical University, Peremena, 2017. 359 p.
13. Shakhovskiy, V.I. (ed.). *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve : koll. monografiya* [Emotive linguoecology in the modern communicative space: collective monograph]. Volgograd, Peremena, 2013. 450 p.
14. *Mirovaya klassika na osetinskom yazyke* [World classics in the Ossetian language]. [electronic recourse]. URL: <https://nslib.tmweb.ru/tvorchestvo/classik/russia/russia.php?value>
15. Shushkov, A.A. *Tolkovo-ponyatiinyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory-conceptual dictionary of the Russian language]. Moscow, AST, Astrel', Khranitel', 2008. 988 p.

16. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow, Nauka, 1958, vol. 1. 656 p.
17. Khazity, M. *Iron khæzna: æmbisændtæ* [Ossetian treasure (proverbs in the Ossetian language)]. Tskhinval, Tsykura – Dzæudzhikhæu, Orion, 2013. 352 p. (in Ossetian)
18. Miller, Vs.F. *Osetinsko-russko-nemetskii slovar'.* Pod red. A.A. Freimana [Ossetian-Russian-German dictionary. Ed. A.A. Freiman]. Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1984, vol. III. 565 p.
19. Kharitonov, M.S. (comp., transl.). *Osetinskie (digorskie) narodnye izrecheniya: Na oset. (digor. dialekt) i rus. yaz.* [Ossetian (Digor) folk sayings: In Ossetian (Digor dialect) and Russian]. Moscow, Nauka, 1980. 355 p.
20. Khetægkaty, K. *Iron fændyr* [Ossetian lyre]. [electronic recourse]. URL: <http://iriston.com/if/?n=30> (in Ossetian)
21. Pushkin, A.S. *Evgeny Onegin. Per. na os. yaz. N. Dzhusoity* [Eugene Onegin. Transl. in Ossetian by N. Dzhusoity]. [electronic recourse]. URL: <https://ilibrary.ru/text/436/p.4/index.html>